

ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

УДК 94(470.331)+730

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ПАМЯТНИКА И. А. КРЫЛОВУ В ТВЕРИ

М. М. Гершзон

Институт социально-исторических исследований, г. Москва, Россия

В работе, на основании протоколов и стенограмм коллегии Министерства культуры СССР, а также материалов к ним, рассматривается история создания и установки памятника И. А. Крылову в г. Калинин (Твери). Эти уникальные документы ныне хранятся в Российском Государственном Архиве Литературы и Искусства (РГАЛИ). Решение об установке памятника было принято в 1944 году, а неоднократное обсуждение проекта памятника происходило в 1954-1956 гг. Архивные материалы свидетельствуют о том, что не позднее 1954 года начались перемены в отношении к монументальному искусству в стране. История создания памятника Крылову наглядно иллюстрирует изменение установок по созданию памятников в период самого начала оттепели. Кроме того, в стенограммах заседаний коллегии имеются суждения о памятнике некоторых ведущих деятелей отечественной культуры периода 1950–х гг.

Ключевые слова: оттепель, И. А. Крылов, Министерство культуры СССР, памятник, Тверь, Д. В. Горлов, С. Д. Шапошников, культурная политика.

История создания памятника И. А. Крылову в середине XX в. уникальна не только сама по себе, но и потому что, что решение о его установке было принято в одну эпоху, а его обсуждение и установка происходили в другую. Так, на примере истории создания этого памятника, его обсуждения и утверждения можно проследить изменения в культурной политике в сфере создания памятников, произошедшие в середине 1950-х гг.

Информация о памятнике И. А. Крылову содержится в нескольких изданиях, вышедших в советское и постсоветское время¹. Как правило,

¹ См. напр.: Памятники истории и культуры Калининской области: Путеводитель. Калинин, 1988; Тверская область: Энциклопедический справочник. Тверь, 1994; Свод памятников архитектуры и монументального искусства России: Тверская область: в 6 ч. / отв. ред. Г. К. Смирнов. М., 2003. Ч. 1; 200 мест Твери, которые нужно увидеть. Тверь, 2010.

Памятники истории и культуры Калининской области: Путеводитель, Калинин, 1988; Tverskaya oblast', Entsiklopedicheskiy spravochnik, Tver', 1994; Svod pamyatnikov arkhitektury i mon-

авторы ограничиваются упоминанием решения об установке и описанием памятника. Но ни в одной публикации не рассматривалась история работы по созданию памятника: от принятия решения об установке до утверждения проекта.

Интерес представляет и то, что в обсуждении проекта памятника Крылову принимали участие не только скульпторы, чиновники, но и известнейшие деятели отечественного искусства, в том числе кинорежиссер Г. В. Александров, главный режиссер театра им. В. Маяковского, актер Н. П. Охлопков, композитор и директор Большого театра М. И. Чулаки, композитор Д. Б. Кабалевский. Памятник И. А. Крылову обсуждался на коллегии Министерства культуры СССР несколько раз на протяжении двух с половиной лет.

Решение о создании памятника И. А. Крылову в Калининне было принято по постановлению Правительства (Совета Народных Комиссаров) СССР № 1612 от 20 ноября 1944 г.² По словам одного из авторов, Д. В. Горлова, перед авторами изначально была поставлена задача «сделать сидящего Крылова с постаментом, на котором рассказываются басенки»³. Таким образом, авторов призывали создать памятник наподобие созданного П. К. Клодтом в Санкт-Петербурге. Авторы, «находясь под гипнозом существовавшей точки зрения и памятника Клодта, начали делать его сидящим в полную величину»⁴. Но, по мере погружения в тему, после ознакомления с творчеством И. А. Крылова, у скульпторов сложилось своё видение памятника, которое не соответствовало имевшимся представлениям, причём авторы изучили не только басни Крылова, но и его публицистические и драматургические произведения. Горлов говорил: «Я считаю, что решение Клодтом памятника Крылову реакционно и мы согласиться с ним не можем. Наша точка зрения на Крылова не может совпадать с точкой зрения царского правительства, которое стремилось свести его значение до дедушки Крылова, который рассказывает интересные, милые басенки»⁵. Для Горлова Крылов «прогрессивный борец за реалистический стиль, за народность в искусства». Животные, изображённые на постаменте, вызывают чувство симпатии, теплоты, «то есть чувства, совершенно противоположные волевым и целеустремленным» начинаниям очень крупного человека. Не нравилось авторам и то, что, по их мнению, Клодт сделал из басен «винегрет» и таким образом умалил их значение: «Такой постамент может быть и у дрессировщика, а Крылов – го-

umental'nogo iskusstva Rossii, Tverskaya oblast' v 6 ch., otv. red. G. K. Smirnov, M., 2003, Ch. 1; 200 mest Tveri, kotorye nuzhno uvidet', Tver', 2010.

² Российский государственный архив литературы (далее – РГАЛИ). Ф. 2329. Оп. 2. Д. 440. Л. 194.

Russian State Archive of Literature (RGALI), F. 2329, Op. 2, D. 440, L. 194.

³ Там же. Д. 235. Л. 90.

Ibid, D. 235, L. 90.

⁴ Там же. Л. 91.

Ibid, L. 91.

⁵ Там же. Л. 90.

Ibid, L. 90.

раздо более значительная фигура»⁶. Именно поэтому авторами было принято решение отказаться от соединения фигуры Крылова и зверей на постаменте. У Шапошникова начались «колоссальные поиски» – он сделал около 20 вариантов модели памятника. Образ Крылова считался сложным: «... многие скульпторы отказались трудиться над этим образом... Шапошников долго работал, изучал биографию Крылова и нашел тракторку»⁷, – отмечал в 1955 г. начальник Главного управления изобразительных искусств Министерства культуры СССР А. Г. Казиятко.

Проект памятника был одобрен в 1947 г. исполкомом Калининского горсовета. Процессом создания памятников в стране в то время руководил Комитет по делам искусств СССР, который в 1948 г. утвердил проект скульптора С. Д. Шапошникова и архитектора Н. В. Донских⁸, автором барельефов к памятнику был Д. В. Горлов. С ними был заключен договор на создание памятника и 8 барельефов⁹. С. Д. Шапошников на протяжении восьми лет трудился над созданием монумента Крылову. Представленный размер фигуры Крылова был 3,93 м, при этом общая высота памятника 7,55 м, а высота постамента – 3,62 м¹⁰. Рабочая модель памятника была принята Художественно-экспертным советом по монументальной скульптуре и утверждена председателем Комитета по делам искусств Н. Н. Беспаловым 5 февраля 1953 г.¹¹.

В марте 1953 г., в ходе министерской реформы Комитет по делам искусств был упразднён, а дело установки памятников было передано в ведение вновь созданного Министерства культуры СССР. Поначалу руководящие посты в нём занимали чиновники из упразднённых ведомств. Примерно через год в руководство Министерства пришли новые люди. Кроме того, в культурной политике в стране произошли существенные изменения, появились новые установки. В частности, развернулась неперсонифицированная критика культа личности и произведений, созданных в период конца 1940 — начала 1950-х гг. Изменения затронули и сферу создания памятников.

2 ноября 1954 г. Главное управление изобразительных искусств подготовило заключение относительно проекта памятника Крылову. В нём указывалось, что «скульптура выявляет характерные черты, свойственные облику Крылова. Достигнуто портретное сходство, переданы индивиду-

⁶ РГАЛИ. Ф. 2329. Д. 235. Оп. 2. Л. 91.

RGALI, F. 2329, Op. 2, D. 235, L. 91.

⁷ Там же. Д. 353. Л. 127.

Ibid, D. 353, L. 127.

⁸ Там же. Д. 223. Л. 134.

Ibid D. 223, L. 124.

⁹ Там же. Д. 440. Л. 194.

Ibid, D. 440, L. 194.

¹⁰ Там же. Д. 353. Л. 229.

Ibid, D. 353, L. 229.

¹¹ Там же. Д. 223. Л. 137.

Ibid, D. 223, L. 137.

альные особенности его внешности. Скульптура установлена на невысоком четырехгранном постаменте, простые архитектурные формы которого не отвлекают внимание зрителя, а, напротив, помогают тому, что скульптура становится центром всей композиции¹². На углах площадки перед памятником, по замыслу авторов, предполагалось разместить восемь рельефов по сюжетам басен И. А. Крылова. Пять рельефов были готовы к осени 1954 г.: «Ворона и лисица», «Свинья под дубом», «Кукушка и петух», «Волк и ягнёнок», «Лев и волк». Вместе с тем отмечалось, что Шапошников «не полностью раскрыл многогранность духовного облика русского баснописца – не показал свойственного Крылову душевного обаяния, не отразил тонкий юмор, присущий его творчеству. Обращает на себя внимание ряд мелких недоработок: незаконченность и грубоватость отдельных деталей фигуры (причёски, складок на рукавах); кисть левой руки преувеличена по размерам, в излишне тонких и жёстко трактованных полах сюртука не передана характерная мягкость шерстяной ткани»¹³. Утверждалось, что в предложенном варианте памятник не может быть утверждён: «... автор не сумел показать душевной широты крыловского обаяния, привлекающего к нему миллионы человеческих сердец. Автор показал Крылова скорее строгим чиновником, а не мыслителем, не писателем-демократом, глубоко знавшим и изучавшим жизнь. Замечательный юмор И. А. Крылова, столь характерный для его творческого облика, совершенно не отражён в проекте памятника. Всё вышеизложенное свидетельствует о том, что автор не нашел верного идейно-образного решения. В рассматриваемой нами скульптуре И. А. Крылова, автору необходимо коренным образом переработать голову скульптуры и исправить ряд сырых недоделанных мест»¹⁴.

Высшим органом Министерства культуры СССР была коллегия, на которой происходило обсуждение всех важнейших вопросов, вырабатывалось и принималось решение, которое затем оформлялось в виде приказа. Первый краткий обмен мнениями по поводу памятника И. А. Крылову состоялся на заседании коллегии 3 ноября 1954 г. Министр Г. Ф. Александров на этом заседании отсутствовал. Интересно, что в протоколе тема обсуждения памятника Крылову не была указана, но стенограмма сохранила высказывания членов коллегии по поводу проекта памятника. Некоторыми участниками было высказано замечание, что Крылов выглядит как чиновник. Заместитель министра культуры СССР Н. П. Охлопков заявил, что в представленном проекте видно «скорее трагическое лицо Бетховена, чем Крылова», но при этом отметил, что «не нужно делать доброго дедушку улыбающегося»¹⁵. По-

¹² РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 223. Л. 134.

РГАЛИ, Ф. 2329, Оп. 2, Д. 223, Л. 134.

¹³ Там же. Л. 135.

Ibid, L. 135.

¹⁴ Там же. Л. 137.

Ibid, L. 137.

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 223. Л. 48.

РГАЛИ, Ф. 2329, Оп. 2, Д. 223, Л. 48.

сле краткого обсуждения А. Г. Казиятко предложил членам коллегии посмотреть на памятник и после этого «принять правильное решение». Памятник в тот момент находился во дворе художественного института имени В. И. Сурикова. Это предложение поддержал председатель коллегии и первый заместитель министра С. В. Кафтанов, который с точки зрения дальнейшего развития событий сделал очень оптимистичное заявление: «Давайте посмотрим и на следующей коллегии окончательно решим»¹⁶.

10 ноября 1954 г. состоялось заседание художественного-экспертного совета по монументальной скульптуре при Главном управлении изобразительных искусств Министерства культуры СССР. В целом выступавшие на нём отметили, что в таком виде проект памятника может быть принят. В частности, за это высказались скульпторы М. Г. Манизер, Г. И. Мотовилов, А. С. Аллахвердянц, П. П. Яцыно. Говорилось о том, что памятник «цельный», хороший и приемлемый¹⁷. Были высказаны некоторые замечания: не найден «архитектурный профиль» (Манизер)¹⁸, можно было бы приподнять лицо и что оно несколько обрюзгло (Аллахвердянц), «с заднего фасада кисть опущенной руки несколько крупновата», «неприятно смотрятся ложные карманы», «плохо смотрится переход от волос к воротнику», «плохо выглядит нижний карниз постамента» (Яцыно)¹⁹. Совет по монументальной скульптуре просил авторов учесть замечания и единогласно одобрил проект для литья²⁰.

Большое обсуждение проекта памятника на коллегии под председательством министра состоялось 17 ноября 1954 г. Заместитель министра В. С. Кеменов отметил, что наряду с удачными решениями имеется неправильная «психологически-идейная трактовка» черт лица Крылова. Они, по мнению Кеменова, были хмурыми: «... не надо Крылову придавать черты Байрона. В баснях Крылова выразились народная смекалка, мудрость народа, вот что даётся в баснях Крылова, поэтому Крылова любят и дети, и взрослые»²¹. Возможно, что Крылов здесь «похож и на чиновника»²². Один из членов коллегии И. И. Поздняк считал, что представленный проект можно принять, несмотря на то, что Крылов «действительно... несколько

¹⁶ Там же. Л. 48.

Ibidem.

¹⁷ Там же. Д. 440. Л. 210, 211, 212.

Ibid, D. 440, L. 210, 211, 212.

¹⁸ Там же. Л. 211.

Ibid, L. 211.

¹⁹ Там же. Л. 210.

Ibid, L. 210.

²⁰ Там же. Л. 212.

Ibid, L. 212.

²¹ Там же. Д. 235. Л. 88.

Ibid, D. 235, L. 88.

²² Там же. Л. 89.

Ibid, D. 235, L. 89.

суров»²³. Но при этом, ему не обязательно улыбаться. Он же предложил не делать памятник на гладком постаменте, и в качестве примера привёл памятник Петру I. Заместитель министра культуры Н. Е. Твердохлебов на замечание авторов о том, что после изучения всего творчества Крылова, а не только его басен, он предстал перед ними в несколько ином образе, заметил: «... что касается его переписки, то народ не знает его как автора писем, но знает его как баснописца. Я не знаю, может быть он в письмах и был желчный...»²⁴. Он же заявил о том, что в представленном проекте Крылов не похож даже внешне. Кинорежиссер Г. В. Александров сказал: «Я тоже не узнал, когда увидел памятник, именно потому, что я представлял Крылова с умом и мужицкой хитрецей. Но Крылов здесь совсем другой и мне кажется, духовное сходство у Крылова не достигнуто. Правильно здесь говорили, что черты Бетховена сильнее, а всё творчество Крылова, вся популяризация немножко другого характера»²⁵. Режиссёр сказал, что «это скорее цензор произведений Крылова, чем сам Крылов». Он же предложил отказаться от постаментов и поставить памятник на траве, поскольку постамент – это официальность, а Крылов был против официоза, «у него много любви к народу».

Итоги этому обсуждению подвел министр культуры СССР Г. Ф. Александров. Он сказал, что при обсуждении проекта памятника Крылову коллегия затронула «ряд важных, принципиальных вопросов»²⁶. Министр подчеркнул, что творчество И. А. Крылова имеет жизнеутверждающее начало, баснописец «сторонник того, что победит положительное начало, и эта сторона делает его жизнерадостным, весёлым, а не таким мрачным человеком, который смотрит так, что вокруг только зло, несправедливость, и т. д., не видит лучшего будущего. В этом и сложность для художника – выразить эти две внутренние черты в облике Крылова. Одну черту выразить просто, а обе вместе – сложно. Если бы нам сейчас только этого весёлого, добродушного старика дали, мы сказали бы – нет, не то. Но с той фигурой, которая показана, мы тоже не согласны. Как показать черты творчества Крылова – художник должен лучше нас продумать. Если взять одну из них – это уже не Крылов, а только обе вместе дают образ мыслителя, критика, бичевавшего старый строй и утверждавшего черты лучшей жизни. Пока это решение не найдено»²⁷. Подверг министр критике и размещение рельефов вокруг памятника: «"Свинья под дубом" вызывает сомнение не потому, что

²³ РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 235. Л. 94.

RGALI, F. 2329, Op. 2, D. 235, L. 94.

²⁴ Там же. Л. 95.

Ibid, D. 235, L. 95.

²⁵ Там же. Л. 96.

Ibid, L. 96.

²⁶ Там же. Л. 97.

Ibid, L. 97.

²⁷ Там же. Л. 98.

Ibid, L. 98.

она плоха, – нет, свинья чудесна, но представьте себе свинью в 2 метра – прежде чем видишь памятник»²⁸. По мнению министра коллегия не имеет права на ошибку и не может поступить так, как, по утверждению Шапошникова, было с памятником Пушкину: его установили, потом не понравилась голова, ее спилили и поставили новую. Г. Ф. Александров отметил: «... на то мы и коллегия Министерства, чтобы потом спиливать голову Крылова не пришлось. Сейчас надо заменять, пока не поставили...»²⁹.

Важно отметить, что в предложениях И. И. Поздняка и режиссера Г. В. Александрова было отображение новых веяний в культурной политике, в частности, в области создания памятников. А именно, стремление отказаться от предыдущих шаблонов памятников и применение нестандартных решений, для того чтобы каждый новый памятник имел своеобразие и не был похож на предшествующие.

По итогам этого обсуждения было принято решение коллегии о проекте памятника И. А. Крылову. В нём отмечалось, что скульптор С. Д. Шапошников «нашёл удовлетворительное решение фигуры монумента, добился пластической выразительности, однако, автор не сумел раскрыть многогранности духовного облика Крылова. Портретное сходство нарушено огрублением черт лица, выражению его придана суровость и мрачность, что не соответствует характеру творчества Крылова и тому представлению о нём, которое сложилось у народа и в передовой русской критике»³⁰. Рельефы, выполненные Д. В. Горловым, были приняты, но архитектор не смог «увязать их с общей композицией и в его проекте они смотрятся в отрыве от памятника»³¹. В связи с этим, коллегия поручила Шапошникову переработать голову монумента, Горлову доработать сюжеты для рельефов, а архитектору Донских представить новый проект архитектурного решения. Коллегия приняла решение частично расчитаться с Шапошниковым и Горловым за работу³².

К лету 1955 г. Шапошников внёс некоторые изменения в скульптуру, был выполнен новый макет архитектурного решения³³. Но обсуждение нового варианта памятника затягивалось. На это жаловался С. Д. Шапошников на встрече с первым заместителем министра культуры СССР С. В. Кафтановым, состоявшейся 28 августа 1955 г., а также в письме к нему от

²⁸ РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 235. Л. 99.

RGALI, F. 2329, Op. 2, D. 235, L. 99.

²⁹ Там же. Л. 98.

Ibid, L. 98.

³⁰ Там же. Д. 223. Л. 113.

Ibid, D. 223, L. 113.

³¹ Там же.

Ibidem.

³² Там же. Л. 114.

Ibid, L. 114.

³³ Там же. Д. 353. Л. 229, 230.

Ibid, D. 353, L. 229, 230.

10 октября того же года: «... рекомендации коллегии мною давно выполнены... но теперь, неизвестно почему, Главк или какая-то злая рука, снова задерживает представление Вам материалов. Могу я, наконец, добиться возможности показать свою работу коллегии?»³⁴.

Следующее обсуждение проекта памятника И. А. Крылову на коллегии состоялось почти через год. За это время сменился министр, – в марте 1955 г. на эту должность был назначен Н. А. Михайлов. Но на заседании коллегии, состоявшейся 19 октября 1955 г., он не присутствовал, председательствовал на ней С. В. Кафтанов. Обсуждение получилось очень бурным. Его основные участники за год практически не поменялись. Главным и жёстким критиком проекта выступил заместитель министра В. С. Кеменов. Он вспомнил прошлое заседание коллегии, когда говорилось, что «нельзя превращать Крылова в озлобленного бюрократа, мрачного мизантропа»³⁵. Автор, по мнению Кеменова, «встал на позицию непринятия замечаний, но всё время говорил, что дорабатывает. Характерна стенограмма экспертного совета, который происходил, когда автор доработал. Все говорили автору, что памятник остался таким, как был, что ничего не изменилось, все высказывались единодушно – кроме одного Шапошникова, который сказал, что всё хорошо. И он стоит на этой позиции до сих пор»³⁶. Кеменов заявил, что Крылов Шапошникова «похож на персонажа из Гоголя, или даже из Щедрина. Он похож скорее на Собакевича». Жёстко раскритиковал Кеменов и постамент для памятника: «... такие квадратные тумбочки ставятся во всех парках культуры и отдыха и там стоят вазочки для цветов или урны»³⁷. Неприятия не вызвали у Кеменова только рельефы по сюжетам басен Крылова. Кеменов предложил отклонить проект «как неудовлетворительный, как неверно решающий образ Крылова. И находить новое решение»³⁸. Заместитель министра Твердохлебов также заявил, что проект не удался: «Мне кажется, в этом образе есть какая-то чванливость и некоторая даже тупость, ограниченность. Это не обличение, а некоторая брюзгливость»³⁹. Другой заместитель – В. Н. Сурин сказал, что без подписи никто из 100 человек не догадается, что представленный памятник является памятником Крылову⁴⁰. Памятник Крылову, так же как и, например, памятник

³⁴ РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 353. Л. 230.

RGALI, F. 2329, Op. 2, D. 353, L. 230.

³⁵ Там же. Л. 124.

Ibid, L. 124.

³⁶ Там же. Л. 124.

Ibid, L. 124.

³⁷ Там же. Л. 125.

Ibid, L. 125.

³⁸ Там же.

Ibidem.

³⁹ Там же. Л. 129.

Ibid, L. 129.

⁴⁰ РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 353. Л. 130.

RGALI, F. 2329, Op. 2, D. 353, L. 130.

Л. Н. Толстому или М. И. Кутузову, не нужно подписывать, он должен быть узнаваем. Сурин заявил, что представленный Крылов больше похож на гоголевского героя, на помещика «немножко грозного, не очень симпатичного»⁴¹. М. И. Чулаки сказал, что обсуждаемый проект памятника «родился из полемики с теми памятниками, которые показывают Крылова добродушными»⁴², но в таком виде коллегия не может утвердить проект. С. В. Кафтанов согласился с авторами проекта в том, что нельзя изображать И. А. Крылова, рассказывающего «басни или скорее побасенки», нельзя изображать его «с мушками, осликами и т. д.»⁴³. По его мнению, Шапошников отобразил в памятнике то, что Крылов был человеком «огромного и острого ума», но в тоже время «оторвался от народности» образа Крылова, в решении есть немного официальности⁴⁴. Он предложил автору представить новые варианты, с чем Шапошников согласился.

С. Д. Шапошников отмечал, что создание памятников – длительный процесс, находившийся (до 1953 г.) под контролем Комитета по делам искусств СССР. Существовал определённый порядок работы: сначала эскиз утверждался художественным советом, потом Комитетом. Затем на основе эскиза создавалась рабочая модель, от которой автор не мог отступить «в ту или другую сторону»⁴⁵. С. В. Кафтанов косвенно подтвердил, что ранее существовали иные подходы к созданию памятников, а, как минимум, с 1954 г. они изменились, и в том, что памятник не соответствовал изменившимся критериям оценки, по мнению Кафтanova, были виноваты не только авторы: «Я согласен, что в этом не только ваша вина, а дело и в том, что это утверждалось на протяжении 10 лет разными людьми. Но поймите и нас, что мы не можем поступить иначе. Памятник создается не на 10 лет, а на столетия, фигура очень сложная и интересная, и решать сейчас вопрос только под властью прошлых решений мы не можем»⁴⁶.

Ключевыми для понимания того, что обсуждение проекта памятника происходило в переломный период, когда происходили крупные изменения во всех сферах культуры и искусства, являются следующие слова Шапошникова: «Мне, во-первых, нужна точная характеристика, каким Крылов должен быть. Если взять работу Н. Л. Степанова, которая вышла недавно, и взять его труды, которые вышли несколько лет тому назад, то это диамет-

⁴¹ Там же. Л. 131.

Ibid, L. 131.

⁴² Там же.

Ibidem.

⁴³ Там же. Л. 133.

Ibid, L. 133.

⁴⁴ Там же. Л. 134.

Ibid, L. 134.

⁴⁵ Там же. Л. 132.

Ibid, L. 132.

⁴⁶ Там же. Л. 132.

Ibidem.

рально противоположные вещи. Каким Крылов должен быть – вот что самое главное и весьма существенное»⁴⁷. Именно такие – диаметрально противоположные – взгляды обнаружались и в установках по созданию памятника Крылову до 1954 г. и после. Так, и С. В. Кафтанов, и автор памятника, по сути констатировали, что с момента утверждения проекта памятника в феврале 1953 г. бывшим Комитетом по делам искусств произошли значительные изменения.

В октябре 1955 г. коллегия поручила Шапошникову в течение двух месяцев представить эскизы нового проекта памятника, признала представленный проект неприемлемым, а также постановила наряду с Шапошниковым привлечь к работе над памятником других авторов⁴⁸. Разработка других вариантов памятника была поручена скульпторам И. И. Тенете, И. А. Рабиновичу и А. А. Древнину⁴⁹. Планировалось, что они к 5 декабря 1956 г. представят свои проекты⁵⁰.

Весной 1956 г. Шапошников, Горлов и Донских написали письмо Первому секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву, министру культуры СССР Н. А. Михайлову и в Московский союз советских художников. В нём описывалась предыстория создания памятника, говорилось о том, что «единственной причиной» отклонения памятника является «утверждение о непохожести И. А. Крылова»⁵¹. Хотя, как следует из материалов двух заседаний коллегии Министерства культуры (ноября 1954 и октября 1955 г.), дело было не только в этом и даже не столько в этом. Авторы проекта затронули проблему обсуждения проектов памятников и их утверждения, они предлагали «уничтожить двойственность в работе художественно-экспертного совета и коллегии Министерства культуры, а также обеспечить обязательное участие членов художественно-экспертного совета в окончательном утверждении монумента, а также необходимо привлечение специалистов, имеющих непосредственное отношение к решению темы»⁵². В то же время авторы в письме на имя начальника Главного управления изобразительных искусств Министерства культуры СССР А. Г. Казиатко и Управляющего дирекцией выставок и панорам А. С. Аллахвердянца просили произвести с ними расчёт по старому договору, провести рассмотрение проекта памятника с привлечением «литературной общественности и художественного

⁴⁷ РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 353. Л. 134.

РГАЛИ, Ф. 2329, Оп. 2, Д. 353, Л. 134.

⁴⁸ Там же. Л. 97, 98, 134.

Ibid, L. 97, 98, 134.

⁴⁹ Там же. Д. 440. Л. 195.

Ibid, L. 195.

⁵⁰ Там же. Л. 204.

Ibid, L. 204.

⁵¹ Там же. Л. 199.

Ibid, L. 199.

⁵² Там же.

Ibidem.

совета»⁵³, доведения работы, «не встречавшей возражений в течение восьми лет до окончания» и участие в новом конкурсе на общих основаниях.

Следующее и последнее заседание коллегии Министерства культуры, на котором рассматривался вопрос о создании памятника И. А. Крылову в Калининне, состоялось 23 мая 1956 г. К тому моменту один из главных и резких критиков проекта Шапошникова – В. С. Кеменов был переведён с должности заместителя министра на другую работу, ещё один заместитель министра – Н. Е. Твердохлебов также был снят с должности. Председательствовал на этом заседании коллегии министр Н. А. Михайлов. После заседания коллегии в октябре 1955 г. авторы внесли значительные исправления в проект памятника Крылову. Экспертный совет, который рассматривал памятник зимой 1956 г., утвердил изменённый вариант памятника, пьедестал и архитектурное решение⁵⁴. С. В. Кафтанов на заседании коллегии заявил о своём положительном отношении к проекту. По мнению первого заместителя министра культуры СССР, трактовка образа И. А. Крылова как «добродушного старика» неправильна: «Крылов был большим мыслителем своего времени»⁵⁵. То, что черты лица «немного грубоваты», а фигура «немного полновата» естественно, так как Крылов был таким в жизни: «... и требовать, чтобы из него сделали джентльмена, не приходится»⁵⁶. Таким образом, Кафтанов отмежевался от жёсткой критики своих коллег, звучавшей на заседании коллегии в октябре 1955 г. – на прошлом заседании Кафтанов «отложил решение только потому, что разошёлся тогда с мнением коллегии и не хотел навязывать своего мнения»⁵⁷. Поддержал С. В. Кафтанова и другой заместитель министра – А. И. Назаров. В исправленном варианте памятника, на его взгляд, «образ Крылова найден правильно, выражение его правильное, и у меня нет никаких в этом отношении сомнений»⁵⁸. Назаров предлагал авторам поработать над пьедесталом, оформить его художественно. Член коллегии композитор Д. Б. Кабалевский заявил, что проект памятника понравился ему ещё в варианте, представленном в октябре 1955 г. «и сейчас продолжает нравиться»⁵⁹. Показывать что-то на пьедестале, по его мнению, не следует. Его поддержал и из-

⁵³ РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 440. Л. 203.

RGALI, F. 2329, Op. 2, D. 440, L. 203.

⁵⁴ Там же. Л. 125.

Ibid, L. 125.

⁵⁵ Там же. Л. 126.

Ibid, L. 126.

⁵⁶ Там же.

Ibidem.

⁵⁷ Там же. Л. 125–126.

Ibid, L. 125–126.

⁵⁸ Там же. Л. 127.

Ibid, L. 127.

⁵⁹ РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 440. Л. 127.

RGALI, F. 2329, Op. 2, D. 440, L. 127.

вестный искусствовед М. В. Алпатов, которого специально пригласили для участия в обсуждении: «поскольку тут ясно даётся Крылов не как рассказчик, а как мыслитель, как его понимал Белинский, я думаю, что такой строгий пьедестал вполне закономерен. Может быть, мы привыкли к некоторым элементам излишеств, а здесь их нет, и поэтому кажется скучным. Но такое решение законно»⁶⁰. Он же отметил, что решение образа Крылова верно.

Дискуссию завершил министр Н. А. Михайлов. Он сообщил, что накануне обсуждения видел памятник: «... я вчера смотрел работу, и, по моему, хорошо, что это изображение отличается от тех, которые уже есть. Я думаю, что является правом скульптора, художника видеть своего героя таким, каким он его видит, потому что это видение не нарушает ни идейного содержания, ни глубоко реалистического, правдивого отражения жизни, явлений российской действительности»⁶¹. Он отметил, что в чертах лица есть «элементы грубоватости», которые надо исправить. Что же касается пьедестала, то настороженное отношение к нему Михайлов объяснил тем, что несколько памятников с подобными пьедесталами перед этим обсуждались в Министерстве культуры СССР. Именно поэтому, есть желание видеть индивидуальное решение пьедестала: «... может быть, об этом стоит подумать»⁶². Министр предложил внести поправки в дело утверждения памятников министерством: «... мы не можем опекать художников до того предела, чтобы сказать, что надо, чтобы на костюме было шесть складок, а не четыре с половиной. С другой стороны у нас есть Союз художников, есть секция скульптуры. Я думаю, что обсуждению вопроса на коллегии обязательно должно предшествовать интересное обсуждение работы в Союзе художников и обсуждение этой работы в экспертном совете, чтобы экспертный совет более интересно, ярко доказывал своё мнение, чтобы не было обсуждения с позиции как бы чего не вышло, чтобы не было обсуждения с позиции, когда какая-то вкусовщина примешивается, когда мы не очень считаемся с замыслом художника»⁶³. Михайлов отметил, что такое долгое обсуждение и утверждение проекта памятника Крылову является совершенно ненормальным: «... к чему такое сковывание инициативы художника? Иногда утверждение памятника делается чрезвычайно трудным делом для создателя памятника; иногда становится легче памятник создать, чем его утвердить»⁶⁴. Министра поддержали участники заседания, а Каба-

⁶⁰ РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 440. Л. 127.

РГАЛИ, Ф. 2329, Оп. 2, Д. 440, Л. 127.

⁶¹ Там же. Л. 127–128

Ibid, L. 127–128.

⁶² Там же. Л. 128.

Ibid, L. 128.

⁶³ Там же.

Ibidem.

⁶⁴ Там же. Л. 128.

Ibid, L. 128.

левский заметил, что в искусстве долгое обсуждение – «это типическое явление». Михайлов заметил, что «это надо исправить». Так, опыт обсуждения одного из памятников привёл не только его создателей, но и министра к выводу о необходимости внесения изменений в установившийся порядок утверждения памятников в стране. Министр предложил принять представленный проект памятника к сооружению, что и было оформлено решением коллегии⁶⁵. Больше коллегия Министерства к вопросу создания памятника И. А. Крылову не возвращалась.

По сравнению с вариантом памятника, представленном на рассмотрение коллегии в ноябре 1954 г., авторами в окончательном варианте были внесены значительные изменения. Они коснулись лица баснописца. В первоначальном варианте выражение лица Крылова было строгим, может быть, даже с некоторым укором, опущена нижняя губа. Лицу была придана выражение улыбки. Если раньше голова Крылова была опущена, то сейчас немного приподнята. Изменено и архитектурное решение – барельефы были размещены не перед памятником, а по сторонам от него. Памятник был открыт в 1959 г.

Так история обсуждения и утверждения памятника Крылову иллюстрирует значительные изменения в культурной политике, происходившие в 1954–1956 гг. в Советском Союзе начавшихся, как минимум за два года до известного XX съезда. И свидетельствует, что эти коренные изменения были инициированы сверху. Второй год «оттепели» можно считать точкой отсчёта и началом активных творческих исканий, поисков новых решений в сфере создания памятников.

TO THE HISTORY OF THE CREATION OF A MONUMENT I. A. KRYLOV IN TVER'

M. M. Gershzon

The Institute for Socio-Historical Researches, *Moscow, Russia*

In the work based on the protocols and records of Board of the Ministry of culture of the USSR, discusses the history of the creation and installation of the monument to I. A. Krylov in the city of Kalinin (Tver). These unique documents are now kept in the Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). The decision to install the monument was made in 1944, and several discussions of the monument took place in 1954-1956. Archival documents indicate that there were changes in relation to the creation of monuments in the country no later than in 1954. The history of the monument to Krylov illustrates the changes in the views for the creation of monuments that existed before the thaw and at the very beginning. In addition, there are opinions about the monument to some of the leading figures of Russian culture of the period of the 1950s in the records of the meetings of the Board.

⁶⁵ РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 440. Л. 109.
RGALI, F. 2329, Op. 2, D. 440, L. 109.

Keywords: *the thaw, I. A. Krylov, Ministry of culture of the USSR, the statue, Tver, D. V. Gorlov, S. D. Shaposhnikov, the culture policy.*

Об авторе:

ГЕРШЗОН Михаил Михайлович – ведущий специалист, Институт социально-исторических исследований, (125040, Россия, г. Москва, улица Скаковая, дом 3, стр. 12), e-mail: mgershzon@yandex.ru

About the author:

GERSHZON Mikhail M. – the Guiding Specialist, the Institute for Socio-historical Researches, (125040, Russia, Moscow, Skakovaya str., 3-12), e-mail: mgershzon@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 02.09.2016 г.